

Армен Григорян

ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ И ТРЕТИЙ ЧЕЛОВЕК

Издание второе,
исправленное и дополненное

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2014

УДК 80/81
ББК 80
Г 82

Григорян А.

Г 82 Первый, второй и третий человек. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 560 с. — (Studia Philologica).

ISBN 978-5-9551-0715-8

В книге рассматриваются архетипические фигуры первого, второго и третьего человека в их разнообразных воплощениях. Второй человек происходит из первого, а третий из второго (с частичным возвратом к первому). Главные черты первого человека – самостоятельность и способность к творчеству, второго – зависимость и подражательность, третьего – посредничество. Первый связан с рождением, возникновением, утверждением, второй со смертью, разрушением, отрицанием, третий с возрождением, восстановлением, примирением.

В каждом из нас есть и первый человек и второй и третий, но в разном соотношении. Это соотношение меняется не только от человека к человеку, но и в одном человеке от возраста к возрасту. Сходным образом различаются народы и эпохи.

ББК80

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

*На переплёте воспроизведена картина
Евгения Демакова «Моцарт и Сальери» (1998)*

ISBN 978-5-9551-0715-8

© А. Григорян, 2014
© Языки славянской культуры, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
1. Первые и вторые люди.....	13
Имена и воплощения первого и второго человека	13
Пришвин и Достоевский о первом и втором человеке	21
Сальери.....	24
Три рода людей	32
Народ.....	38
Дурак	45
Смех	53
Любовь.....	59
Мужчина и женщина	70
Красота	75
2. Первый человек.....	80
Лидер, гений, поэт	80
Дар и заслуга	110
Род, рождение, родной	122
Ребёнок	125
Простой человек	128
Дурной первый человек	139
Правда	141
Закон.....	147
Праздник.....	149
3. Второй человек.....	153
Мережковский.....	153
Гений и талант	156
Брюсов	164
Риторика.....	172
Чехов и другие.....	183
Гоголь и другие	191
Второй человек в литературе	203
4. Первое и второе.....	209
От первого ко второму	209
Повтор	220

Никто и ничто.....	226
Ноль.....	232
Чёрт.....	233
Лицо.....	234
Россия и Запад.....	239
Интеллигенты и нигилисты.....	256
Коммунизм.....	269
Тоталитаризм.....	278
Революция.....	281
Власть.....	283
Наука.....	298
Письмо.....	354
Культура.....	364
Искусство.....	372
Первое и второе в пространстве.....	375
5. Третий, четвёртый, последний.....	387
Третий человек.....	387
Зритель, свидетель, судья.....	396
Первый–второй–третий.....	421
Трое в одном.....	423
Средний.....	440
Четвёртый.....	446
Последний человек.....	450
6. Некоторые продолжения темы.....	462
Ещё о первом и втором.....	462
Смысл жизни.....	481
Сальеризм.....	484
Инверсия.....	490
Пошлость.....	496
От второго человека к третьему.....	505
Смысл и толк.....	517
Мысль, слово, дело.....	533
Алфавитный указатель заметок.....	536
Указатель имён.....	544
Сокращения.....	559

Первый, второй, третий – постоянно
меняются местами, сначала в очереди
жизни и смерти, потом в сознании со-
временников, потом в собственном...
потом в сознании исследователей и по-
томков.

Андрей Битов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема этой книги выросла из одного частного наблюдения, сделанного в середине 80-х годов. Мне бросилось в глаза сходство двух текстов о первом и втором человеке – Достоевского и Пришвина, – сходство удивительное, вплоть до многих деталей. Я почувствовал неслучайность этих совпадений и большие глубины смысла, залегающие под ними, но долгое время не знал, как подступиться к этой теме, она была больше меня. Не было даже уверенности, что она может быть темой серьёзной научной работы. (Установка на научность разумелась тогда сама собой.) Так бывает с самыми общими, глобальными проблемами: предмет рассмотрения настолько широк, что кажется, будто о нём и сказать ничего нельзя кроме общих мест. Тем не менее интерес к теме сохранялся, исподволь собирался материал, первоначально во многом случайный, «разношёрстный», но и позднее я не пытался ограничить его какими-то историческими или жанровыми рамками. Единственным критерием отбора (кроме, естественно, соответствия теме) была общезначимость, «архетипичность» представленных в материале идей и выражений. Соответственно предпочтение отдавалось в первую очередь языковым и фольклорным данным, затем литературной классике, русской и европейской, но есть и немало примеров из современной литературы и самой злободневной публицистики.

С самого начала было очевидно, что нельзя будет обойтись без «соседних» понятий третьего, четвёртого, последнего человека. К основной теме стали подтягиваться другие, над которыми я думал в разное время. Разбирая старые и новые записи, я заметил, что некоторые из них словно сами собой складываются в некий сюжет. И хотя законченного, связного повествования, тем более традиционной научной монографии так и не получилось, этот сюжет и его ответвления, мне кажется, могут быть интересны сами по себе.

Эта книга не была бы написана без многолетнего стимулирующего и провоцирующего интереса со стороны Вардана Айрапетяна, который читал работу на разных этапах, много раз обсуждал её со мной и под конец согласился стать редактором книги.

Более опосредованным, но тоже очень значимым было влияние моих учителей Владимира Николаевича Топорова и Олега Николаевича Трубачёва. Очень много значила для меня и всесторонняя поддержка моей жены Людмилы Фёдоровой. Отдельные части книги читали и заинтересованно откликнулись на них Сергей Георгиевич Бочаров и Александр Борисович Пеньковский. На протяжении многих лет я чувствовал доброжелательное внимание Татьяны Владимировны Цивьян. Всем им моя глубокая благодарность. Отдельное спасибо художнику Евгению Демакову, Алексею Дмитриевичу Кошелеву, Михаилу Ивановичу Козлову, Маше Тимофеевой, Валентину Гусеву, Александру Григорьеву, АLINE Поляковой, Рубену Арутюняну, Галине Сергеевне Сорокиной, Алевтине Николаевне Кубичевой, Александру Аникину, Владимиру Кучеренко.

Прошу прощения у всех, кого я позволил себе подвергнуть «классификации» и оценке. Это носило в основном игровой и эвристический характер.

Основной «единицей» текста являются конкретные заметки, именно на их названия, выделенные полужирным шрифтом, даётся большинство ссылок в тексте. Ссылки на названия разделов начинаются с прописной буквы. Алфавитный указатель заметок помещён в конце книги.

18.9.07

Второе издание дополнено новыми заметками, большим количеством вставок в старые, исправлены замеченные ошибки, уточнены многие формулировки. За содержательные отклики и ценные замечания к первому изданию я сердечно благодарен Андрею Битову, Сергею Георгиевичу Бочарову, Александру Борисовичу Пеньковскому, Ирине Степановне Приходько, Борису Останину, Гаянэ Шагоян, Левону Абрамяну, Левону Акопяну, Гаяне Арутюнян, Жасмине Вартановой, Наталии Александровне Гончар, Наталии Гончар-Ханджян, Гаянэ Ахвердян. Спасибо моим друзьям и добрым знакомым, словом и делом поддерживавшим меня: Манушак Ахназарян, Каринэ Максапетян, Павлу Балаяну, Сергею Мурадяну, Галине Шемякиной, Елене Мерзликиной, Ларисе Мельник, Людмиле Клепацкой, Неле Бахитовой, Галине Лоевской. Я искренне признателен художнику Евгению Демакову за

любезное разрешение использовать в оформлении переплёта ещё одну версию картины «Моцарт и Сальери».

26.7.13

Вот «исходные» цитаты из Достоевского и Пришвина (здесь и далее в цитатах ключевые слова и выражения подчёркнуты мною; мне же принадлежат вставки в квадратных скобках; прочие выделения в цитатах – курсив, разрядка, полужирный шрифт – авторские):

– Это я-то? – главный человек? – подхватил Стебельков, весело показывая сам на себя пальцем. [...] – Нет-с, позвольте. На свете везде второй человек. Я – второй человек. Есть первый человек, и есть второй человек. Первый человек сделает, а второй человек возьмёт. Значит, второй человек выходит первый человек, а первый человек – второй человек. [...] Была во Франции революция, и всех казнили. Пришёл Наполеон и всё взял. Революция – это первый человек, а Наполеон – второй человек. А вышло, что Наполеон стал первый человек, а революция стала второй человек.

Достоевский. Подросток, 2.2.3

Почему нас манит девственная природа, где ещё не ступала нога человека? Так понимаю, что это является попыткой реализовать в небывалом своё первенство: первому ступить, где ещё никто не ступал, первому своим первым глазом увидеть такое, что на свете ещё никто не видал. И так открыть для людей неведомую страну. [...] Так везде и во всём первый человек в борьбе за своё первенство открывает для всех новую страну.

Но горе наше в том, что есть второй человек, который почему-то сам никак не хочет, а то и не может открывать новое и рассчитан на то, чтобы присвоить себе открытое. Сколько мы знаем открытий, присвоенных вторым человеком и названных его именем!

Первый человек открывает, второй эксплуатирует открытое. Первого человека следует назвать личностью, второго индивидуумом. У первых игра, как сила, у вторых – польза.

Пришвин. Глаза земли, миниатюра «Зерно личности» (1948)

Совпадения и в самом деле удивительные, при том что Пришвин когда писал свою миниатюру, вряд ли помнил о Стебелькове, хотя роман Достоевского он не мог не знать¹. Откуда же тогда совпадения? Очевидно они диктуются самой темой, самым «архетипом» первого–второго человека.

Главное, в чём сходятся два текста, это характер отношений между первым и вторым человеком (первый человек делает, от-

крывает, а второй берёт, присваивает, эксплуатирует то, что сделано первым) и происходящая в результате инверсия – мена местами, ролями, у Пришвина и именами. Но вдумаясь в эту фразу: «второй человек выходит первый человек, а первый человек – второй человек», и мы увидим, что симметрии здесь нет. Первый и второй до инверсии понимаются во временном смысле (то есть первый – «более ранний», «старший», а второй – «более поздний», «младший»). В этом временном смысле никакой мены быть не может: более ранний ни при каких реальных условиях не может стать более поздним по отношению к одному и тому же, и наоборот. Ясно, что «второй человек выходит первый человек» в другом, не временном смысле, а именно по важности, значимости. В этом последнем смысле первый – «главный», «важнейший» (Стебельков: «Это я-то? – главный человек?»), а второй – «второстепенный, подчинённый».

Таким образом, механизм инверсии сложнее чем может показаться сначала: первый по времени становится вторым по значению, а второй по времени – первым по значению. Уже вторично главному приписывается старшинство, временной приоритет, чем и создаётся видимость симметрии². Здесь налицо два порядка: временной (другие возможные названия: исторический, онтологический, естественный) и иерархический (или социальный). См. **Инверсия**.

Временной порядок является исходным, а иерархический – производным от него, но не обратным, по крайней мере во временном смысле, так как время необратимо (чему не противоречит цикличность времени в архаическом мышлении). Первый порядок естественный, то есть он соотносится с природой (миром, бытием), а второй с обществом. Это члены триады «природа, общество, личность», неразрывно связанной с древней триадой «дело, слово, мысль»³. Можно говорить и о третьем порядке, соотносимом с третьими членами этих триад – мыслью и личностью («я»). Его можно назвать (гносео)логическим или личностным. При этом порядке *первое* – нечто элементарное, простое, атом, индивид, то есть логически или познавательно исходное, отправная точка познания, принцип (ср. математические и философские аксиомы, постулаты), а *второе* – производное, семантически или логически сложное (ср. научные термины *конструкт, концепт, логическое следование, логический вывод*). Многие группы слов в каждом языке можно «провести» через эти три